

О символике воротника в традиционной одежде ойратских народов

On the symbolism of the collar in the traditional dress of the Oirat peoples

*Э. П. Бакаева (E. Bakaeva)*¹

¹доктор исторических наук, главный научный сотрудник, отдел этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: bakaevaep@kigiran.com.
PhD in History (Doctor of Historical Sciences), Leading Research Associate, Department of Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: bakaevaep@kigiran.com

Аннотация: В статье на основе литературных и полевых источников освещается символика воротника в традиционной одежде ойратов. Значение воротника определено символической связью верхней части костюма с понятием верха в традиционной картине мира, а также представлениями о необходимости защиты части тела человека, которая представляется уязвимой, и традиционными воззрениями, согласно которым воротник символически может бытьместилищем «души» человека. Символика воротника-стойки, который характерен для мужского костюма западно-монгольских народов, связана с указанными представлениями. Символика большого белого воротника в женском костюме, имеющего специфический декор, связана с почитанием гор Алтая. Приводятся и другие сведения о символике воротника в культуре ойратов.

Ключевые слова: ойраты, калмыки, традиционная одежда, воротник, традиционные представления, почитание Алтая.

Abstract: The article considers the collar symbolism in traditional dress of Oirats based on literature and field sources. The significance of the collar is defined by symbolic link of the upper part of the costume with the concept of the top in the traditional picture of the world, as well as perceptions of the necessity to protect the part of human body, that seems vulnerable, and traditional views, according to which the collar can be symbolically the seat of the “soul” of a man. The symbolism of a stand-up collar, which is typical for a man’s costume of the Western-Mongolian peoples, is linked with these ideas. The symbolism of a large white collar in female costume, having a specific decor, is associated with the worship of Altai. The author presented other information about the symbolism of the collar in the culture of Oirats.

Keywords: Oirats, Kalmyks, traditional clothing, collar, traditional ideas, worship of Altai.

Күн ахта, девл захта ‘У человека — старшие, у шубы — воротник’ — гласит популярная среди ойратских народов поговорка, символически связывающая воротник как часть одежды с высоким социальным статусом человека. Как отмечают ученые, в костюмном комплексе целого ряда народов Центральной Азии «отображалась трехуровневая структура вселенной по вертикали. Деление на три уровня в одежде производилось за счет дополнительных элементов костюма, цвета и орнамента», при этом вертикальное членение одежды в целом представляется следующим: «*Верхний мир*: головной убор, украшения (серьги, бусы, наконечники подвески); *Средний мир*: платья, рубахи, кафтаны, шубы, безрукавки; *Нижний мир*: подол платья, обувь» [Дашковский, Карымова 2012: 136].

Семантическая связь традиционной одежды с мифологическим мировосприятием, космической символикой и картиной мира прослежена исследователями на материалах разных народов мира [Традиционное мировоззрение 1988; Кузнецов 1994; Сем 2007; Ефимова 2006; Алексеева 2011; Дашковский, Карымова 2012; Шигурова 2012; и др.]. Один из значимых для нашей темы выводов сформулирован И. В. Кузнецовым: «Знаки одежды неизвольны и носят характер символов, составляя в совокупности текст. Как и ко всем другим, к тексту этого класса при анализе применим структурный метод с выделением бинарных оппозиций, связей между ними, их медиаций, инверсий с последующей декодировкой» [Кузнецов 1994: 233–234]. Анализ элементов традиционного костюма и в целом комплекса одежды представляет сложную задачу их исследования как текста и составляющих его знаков. В нашу задачу входит рассмотрение символики воротника в системе одежды ойратских народов.

В традиционной картине мира монгольских народов посредством универсального принципа бинарных оппозиций осмысливаются связи между частями целого. Среди таких бинарных оппозиций выделяются «верх — низ», «высокое — низкое», что семантически проявляется и в традиционных представлениях об одежде как комплексе, составляющем часть системы традиционной культуры. Фольклорные материалы показывают символическую взаимосвязь

верхней части костюма с понятием верха в картине мира: *Хойр кумн йовхла, негнь ах, нег кумн йовхла, махлань ах* 'Когда идут два человека — один из них старший, когда идет один, то шапка за старшего' [Пословицы ... 2007: 111]. Таким образом, если в костюмном комплексе «верх» связывается с головным убором, то в самом платье, как мужском, так и в женском, верхний уровень представлен воротником.

Термин *зах* многозначен. Согласно «Большому академическому монгольско-русскому словарю», он означает: I край, окраина; граница; II ворот; воротник; III рынок, базар; IV хуучир¹. штука (счетное слово в значении штука); рулон; V ах зах старший (по возрасту или по должности); главный; ах зах улс старшие; VI: эмх зах хорш². порядок» [БАМРС, 2 2001: 214]. Последовательность значений показывает семантическую связь обозначения края, границы и воротника на одежде; значение «рынок» образовано от основного значения «край», поскольку таковой располагался на границе поселения; наконец, словосочетания *ах зах* и *ах зах улс* определенно связаны с пониманием старшинства как категории, занимающей высшую (крайнюю) позицию в социальной иерархии.

На символическую сопряженность понятий «старшие» и «воротник» обращала внимание М. М. Содномпилова: «Позиции воротника, расположенного в самой верхней части одежды, соответствовала позиция старшего в социуме <...> Бытовали определенные правила и запреты, связанные с воротником <...> В прошлом у бурят, если существовала необходимость отдать одежду, отпарывали у нее воротник» [Содномпилова 2013: 154]. Исследователь приводит ряд данных по культуре хакасов (считалось, что рваный воротник — признак смерти, в такой одежде хоронили; по окончании срока использования одежды старую ткань использовали в хозяйстве, но прежде полагалось отпороть воротник «дабы освободить <...> „душу“» [одежды], при шитье же одежды воротник полагалось

¹ Хуучир. — обозначение в «Большом академическом монгольско-русском словаре» устаревшего значения слов.

² Хорш. — обозначение в «Большом академическом монгольско-русском словаре» парных слов.

пришить первым, оставив при этом недошитой полоску шва «для „притяжения“ души»¹) и приходит к выводу о том, что «местом локализации души в костюмном комплексе тюркских и монгольских народов был воротник» [Содномпилова 2013: 154–155].

Среди калмыков также сохраняется до настоящего времени обычай отпарывать воротник у старой одежды перед тем, как распороть ее для последующего использования ее ткани в хозяйстве. Считается, что необходимо отпарывать и пуговицы. Воротник, как и старый изношенный головной убор, можно сжечь, но ни в коем случае нельзя выбрасывать с мусором. Значение воротника прослеживается и в калмыцкой традиции развешивать для просушки белье воротником вверх: по мнению стариков, наплечную одежду полагают подвешивать за плечи, чтобы воротник находился вверх².

Одежда с воротником выступает в калмыцкой культуре как символ человека. Так, в отсутствие человека буддийские священнослужители и так называемые *медлгч* ('знающие') разрешали для совершения обряда, направленного на его благополучие, использовать рубашку или платье с воротником, которые затем полагалось носить либо держать под подушкой. Одежду обычно не дарили, однако именно во время свадебного обряда, когда устанавливали отношения между двумя родами и происходил обмен брачующи-

¹ Примечательно, что подобные разрезы «длиной в четверть» хакасы оставляли на женской одежде в проекции подмышек и над обшлагами, их края скреплялись швом «через край» (т. е. специально отделявались). Такие разрезы, по свидетельству В. Я. Бутанаева, называли «хут сыынчан» или «место притяжения души человека», а после смерти такие разрезы зашивали [Бутанаев 1996: 71]. Само измерение разреза «в четверть» также свидетельствует об архаичности традиции. Четверть — около 18 см в современном измерении. Считается, что эта мера длины сменила существовавшую в Древней Руси (XI–XV вв.) единицу длины примерно такого размера, называвшуюся пядью и составлявшую расстояние между раздвинутыми большим и указательным пальцами. Такая мера длины, основанная на измерении расстояния рукой, бытовала у многих народов. У монгольских народов она называется *сөөм* (*сөм*) 'пядь'.

² Можно сказать, что в недавнем прошлом по способу развешивания белья можно было отличить, кому оно принадлежит, калмыкам или представителям других народов, проживающих по соседству. Однако в настоящее время данный обычай забывается.

мися, полагалось одаривать предметами одежды — непременно с воротником и длинными рукавами, либо тканью в количестве, достаточном для шитья «полного» платья. В середине XX в., когда в СССР популярными были рубашки-косоворотки, старшее поколение калмыков укоряло молодежь в ношении «неправильной» одежды [ПМА]. Как и у многих народов, у калмыков маленьким детям не шили специально одежду, при этом имеются сведения, что близкие родственники во время празднования *милэлһн* одаривали младенца рубашкой, которая отличалась укороченными рукавами, отсутствием застежек и имитацией воротника. «По данным информантов, ворот, вернее его имитация, воспроизводилась из треугольного выреза рубашки, отвернутого назад, либо пришитого, одежду с воротом на ребенка надевали по достижении им месячного возраста, так как до этого срока он считался еще не вполне оформившимся человеком *күн болад уга*. <...> Отсутствие воротника на младенческой одежде указывает на представления калмыков о промежуточном положении новорожденного <...> Ворот как полифункциональная часть традиционного костюма выполняет охранительную функцию <...> Одаривание одеждой с воротом на *милэлһн* символизировало покровительство членов рода на сакральном уровне» [Шараева 2011: 66–67]. Особое значение воротника также прослеживается в семейной обрядности народов Южной Сибири. У хакасов вдова специально отпарывала воротник и носила такую одежду в течение года, а впоследствии, если вновь вступала в брак, снова облачалась в одежду с воротником [Содномпилова 2013: 155]. У телеутов вдова в первые семь дней траура носила платье вывернутым наизнанку и в течение полугода не пришивала к нему воротник [Традиционное мировоззрение 1988: 155], что связывают с обозначением символической смерти женщины вместе с ее мужем «и маркером того, что она как бы выбывает из числа женщин, способных к деторождению» [Орлова 2016: 173]. У алтайцев также вдова до полугода или до нового брака носила платье без воротника, и М. В. Москвина этот факт считает свидетельством того, что одежда с воротником на Алтае выступала символом состоявшейся жизни женщины [Москвина 2013: 85].

У ойратских народов практически для всех видов одежды был характерен воротник-стойка. И. Лхагвасурэн отмечает, что алтайские урянхайцы «на зимних шубах делали круглый ворот, к нему пришивали меховой стоячий воротник *босоо зах*. Такой ворот характерен практически для всех видов мужской одежды монголов» [Лхагвасурэн 2013: 75]. На женской шубе, которая по фасону почти ничем не отличалась от мужской шубы, «делали круглый ворот, к нему пришивали меховой стоячий воротник мехом к шее и украшали вышивками, которые делались вручную» [Лхагвасурэн 2013: 77].

Алтайские урянхайцы в качестве зимней одежды использовали шубы из белой овчины. Отличительной чертой являлось то, что они изготавливали из выделанной овечьей или козьей шкуры круглый воротник, покрытый тканью синего цвета — это считалось знаком того, что над величавыми высокими горами возвышается синее небо. В одной из легенд объясняется причина появления обычая шить шубу с синим воротником: якобы однажды во время военных действий Чингис-хан был ранен стрелой в первый шейный позвонок, после чего был издан указ всем воинам во время сражений надевать кольчугу, которая должна была закрывать шею круглым воротником. Края воротника на белой шубе, как и края борта, обшивали черной каймой шириной в четыре пальца, и бытовало представление, что так словно бы символически обозначали границу кочевья урянхайцев: «*Энэхүү эмжээрийг цагаан дээлийн хөвөө хэмээгээд угтаа урианхайн нутгийн хил хязгаарыг илэрхийж буй зүйл гэдэг*» [Алтайн урианхайн угсаатны зүй 2014: 89].

Халха-монголы, как отмечают авторы первого тома «Этнографии монголов», воротник на одежде женского *дээл* изготавливали из синей парчи, а внутри отделявали серебряным позументом, таким образом, украшая ворот с двух сторон [БНМАУ-ын угсаатны зүй 1987: 148], воротник же на мужской одежде, как и края борта и подол, отделявали по кругу [БНМАУ-ын угсаатны зүй 1987: 149].

Для ойратского женского костюма характерным является наличие как воротника-стойки, так и накладного белого воротника, который шьют отдельно, надевают поверх платья и даже шубы и застегивают на пуговицу. Воротник шьется большим, покрывающим плечи, для утяжеления краев пришиваются бусины из минералов

или серебра. К примеру, захчины манжеты и воротник-стойку женской шубы обшивали тканью зеленого цвета, а поверх носили большой белый воротник [Амгалан 2008: 26]. По данным, приводимым Ц. Аюушем, дербетские женщины носили поверх платьев *тэрлэг* и *цэгдэг* белый воротник, причем по краю его обшивали цветными нитками узором из остроконечных треугольников, узор называли *сүйжин* ‘горный хрусталь’ и напоминал горные вершины [Аюуш 2012: 71].

О большом белом воротнике на женском платье алтайских урянхаек говорили, что он как бы отмечает отправление в «белую» (т. е. снежную) дорогу. Воротник также обшивали по краю зубчатым узором. У этого ойратского народа считалось, что на платье *тэрлэг* должны быть восемь пуговиц, которые располагали на груди, манжетах, плече и на воротнике [Алтайн урианхайн угсаатны зүй 2014: 92–93].

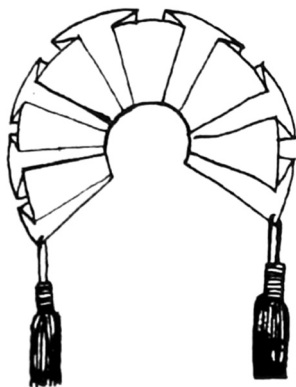
Баиты также воротник для национального женского костюма шили из белой хлопчатобумажной ткани. В среде этого народа зафиксированы уникальные сведения о том, что традиция ношения такого круглого белого воротника связана с почитанием вершин и их «хозяина» — *Алтайн таван богдын ноён* ‘Владыку пяти святынь Алтая’. Речь идет об *Алтайн таван богдо уул* — горном массиве на юго-востоке Алтая, где расположена гора *Куйтэн уул* (*Найрамдал*) — наивысшая точка Монголии. Эту горную гряду Таван богдо¹ почитают все монголы.

Бытует также легенда о том, что в белом платке из хлопчатобумажной ткани когда-то во время войны женщины несли своих детей вместе с колыбелью, и теперь женщины надевают поверх платья большой белый воротник в память о том, как они спасали своих детей. Еще один вариант символического значения белого женского воротника — он обозначает светлые помыслы и белое материнское молоко, а также в целом молоко как священную «белую пищу». Наконец, Г. Батнасан приводит и такой вариант происхождения этого воротника: у ойратов невестка не могла войти в дом родителей мужа, не скрыв лицо белой тканью — якобы от этого

¹ Алтайн Таван Богдо — ныне национальный природный парк в Монголии, расположен на территории Баян-Ульгийского аймака.

и произошел обычай ношения поверх женской безрукавки *цэгдэг* большого белого воротника [Батнасан 2012: 295].

Круглый воротник из белой ткани ойраты шили и продолжают шить, складывая ткань в складки (обычно бантовые). У баитов полагается делать 8 или 12 равномерных складок (количество складок не должно быть нечетным). Кроме того, у этого ойратского народа также бытовал обычай отделки по краю воротника зелеными и красными нитками [Батнасан 2012: 296]

Символика украшений, подвешиваемых к воротнику как детали одежды, который относится к верхнему уровню и одновременно закрывает место, нуждающееся в защите, анализировалась исследователями на материале алтайской культуры. В национальной телеутской женской одежде «кунёк», которую считают отражающей представления о трехчленном строении вселенной, по мнению ученых, верхний мир обозначен нашитыми на воротник «тяка» золотистыми и серебристыми бляшками «акча». «... элементы одежды, связанные в символическом отношении с верхом, обозначались не только голубым или синим цветом материала (чиймек и кисть на шапке), который ассоциировался с небом и, вероятно, должен был подчеркнуть чистоту невесты и призвать на неё благословение добрых божеств и духов, но и декоративной отделкой» [Орлова 2014: 88]. Телеутский воротник «тяка» имел форму воротника-стойки (красного, бордового или синего, зеленого цвета) высотой около

3 см, его шили из сукна и прокладывали между двумя слоями ткани подкладку из бересты или картона. Обережное и благопожелательное значение исследователи усматривают в том, что на воротник подвешивали «акча»¹ из бересты, картона или бумаги в форме слегка вытянутого четырёхугольника, расшитые сплошь золотой или серебряной нитью, чтобы придать им сходство с металлическими монетами или украшениями [Орлова 2015: 147; 2016: 173], при этом золото и серебро в культуре алтайцев не только ассоциируются с верхним миром, но и символически связаны со способностью к деторождению, которая в традиционном обществе в значительной степени определяет судьбу женщины [Орлова 2016: 173]. Среди алтайцев зафиксирована пословица, имеющая сходство с общемонгольской: «Без ворота шубы не бывает, без зайсана (родового лидера) народ не существует» [Орлова 2014: 89].

Олёты Монголии называют белый воротник украшением *хээгуул*. Согласно описанию Т. Дисана, его изготавливают из белого шелка или чесучи, воротник должен быть двойным. Краю воротника придают округлую форму и к нему пришивают подвески из бирюзы или жемчуга [Дисан 2012: 137]. По данным же наших информантов-олётов, в декор большого белого воротника на женской одежде входят подвески из тринадцати кисточек, соответственно воротник так и называют *арван гурван цацгта зах* ‘воротник с 13 кистями’. Передняя часть воротника украшается шестью кисточками, со стороны спины пришивают семь кисточек, причем все они обычно выполняются из нитей красного цвета. По мнению Ж. Отгоон, тринадцать кисточек символизируют тринадцать вершин Алтая [ПМА: Отгоон]. Известно, что ойраты Монголии почитают горы Алтая, среди которых тринадцать представляются главными святынями, и потому даже на буддийских культовых объектах *обо* с четырех сторон от главного сооружения возводят небольшие насыпи из камней, чтобы общее число их было равно тринадцати — по числу наиболее почитаемых алтайских гор: Мён-гён уул, Алтан уул, Тёмёр уул, Шороон уул, Элсэн уул, Шүрэн уул, Маргад уул, Оюут уул, Зэсэн уул, Гантиг чулун уул, Боржин уул, Мёсён уул, Алаг чулун уул, считающихся местопребыванием лусов, сабдаков, сахиусанов, тэнгриев Алтайского нутука [Ганболд

¹ Известно значение слова *акча* ‘деньги’. Ср. монг. *агч* — клён.

2012: 37]. Таким образом, подвески — из красных нитей либо из бирюзы и жемчуга (здесь прослеживается символика синего и белого цветов) — символизируют Алтай и его тринадцать вершин, которым поклоняются ойраты. В этой связи необходимо отметить, что в ойратской загадке *Жин-жсин дуута, чикн сээр хоста, Алтаг бэргсн, алтн уурһан чиргсн* (Зун, утцн, хурвчта юм уйх) 'Издаёт звук дзинь-дзинь, ушко в шагреновых сапожках, содержит весь Алтай, волоча свою золотую ургу (укрюк) (Иголка и нитки, шить иглой с наперстком)' [Пословицы ... 2007: 679] отражены архаические представления западных монголов о символическом процессе сотворения мира мастерицами-вышивальщицами и глубинной семантике и символике орнамента — семантически процесс создания вещи в мифоритуальном сознании ойратов воспринимался как творение части как целого, элемента картины мира.

Как отмечалось выше, женские белые воротники ойраты обычно вышивали по краям цветными нитками (синими, красными, зелеными) узором из остроконечных треугольников. В контексте выявленной среди олёттов символики подвесок и зафиксированных среди байтов Монголии традиционных представлений о том, что ношение белого большого воротника связано с обычаем почитания *Алтайн таван богдын ноён* 'Владыки пяти святынь Алтая', можно сделать вывод: мотив остроконечных треугольников по краям данного элемента женской одежды символизирует горную грядку Алтая. Тем более, что здесь налицо также игра слов: среди значений слова *шовгор* (которое в описаниях узоров женского белого воротника сочетается со словом *гурвалжин* 'треугольник') — как «остроконечный, конусообразный», так и «пик горы; горная вершина» [БАМРС, 4 2002: 364].

Интересно сопоставить традицию ойратов Монголии, декорирующих воротник как знаковую часть одежды узорами, символизирующими горы Алтая, с традициями других народов, расселяющихся в южносибирском регионе в районе Саяно-Алтайского нагорья. В шорском национальном костюме характерным являлось нашивание на воротник-стойку «ушитых шерстяной нитью квадратилов», а также розеток из мелких пуговиц или расположенных в один или несколько рядов раковин каури [Миненко 2006: 103]. Некоторое сходство с олётской традицией пришивания подвесок к воротнику

у телеутов имеет упоминавшийся нами обычай нашивания вдоль воротника праздничного платья на одинаковом расстоянии друг от друга маленьких (1 см x 1 см) обшитых золотыми или серебряными нитками (в нечетном — 7 или 9 — количестве) квадратов акча из бересты (вероятно, поздняя замена — картон или бумага), располагаемых углами вниз (как ромбы): на повседневных платьях эти подвески обшивали цветными шелковыми нитками одного и того же цвета, а воротники имели отделку из черных и желтых ниток в форме зигзага [Миненко 2006: 98]. Однако у телеутов воротник «тяка» относится к типу воротников стоячего типа, и его шили, как и у ойратов, из тканей красного, синего или зеленого цвета. В культуре ойратов, как отмечалось выше, синие или зеленые воротники-стойки также символизируют «верх» одежды и синее небо. Белый же большой воротник ойратских женских костюмов символизирует, как можно заключить, белые снежные вершины Алтая.

Таким образом, в культуре ойратских народов воротник-стойка символически обозначает защиту жизненно важного органа тела и семантически предстает как «вместилище души». В фольклоре алтайских урянхайцев происхождение этого элемента традиционной одежды стало связываться с указом Чингис-хана. В культуре тюркских народов южной Сибири исследователи подобный воротник-стойку связывают также с символикой нахождения женщины в детородном возрасте и в браке.

Символика большого округлого белого воротника в женском костюме ойратских народов связывается прежде всего с белым, священным в культуре монгольских народов, цветом: «белые» чистые помыслы, материнское молоко, «белая» сакральная пища. Второе значение связывается с белым головным платком, который ранее носили ойратки, а также с обычаями избегания и табу, связанными с последними. Архаическая символика этого женского воротника «декодируется» во взаимосвязи с его местом в традиционной системе одежды, которая соотносится с картиной мира: большой белый воротник с треугольным орнаментом и подвесками обозначает Алтай как символ кочевий ойратов и является знаком почитания вершин Алтая и его духа-хозяина.

Полевые материалы автора

Информант Жандагийн Отгон. Олётка, овог — элжигид, 48 лет, сомон Эрдэнэбүрэн Кобдоского аймака Монголии.

The author's field materials

Zhandhagiyn Otgon (Informant). Olyotka, family name — elzhigid, 48 years old. Somon Erdeneburen. Kobdo aimag of Mongolia. (In Mong.)

Литература

Алексеева Т. П. Традиционный национальный костюм как модель мироздания // Культурное наследие Сибири. 2011. № 12. С. 5–23.

Алтайн урианхайн угсаатны зүй / ред. Г. Золбаяр, М. Ганболд. Улаанбаатар: «Китаб» ХХК, 2014. 256 х.

Амгалан М. Баруун Монголчуудын эдийн соёлын дурсгалт зүйлс. Улаанбаатар: Монсудар, 2008. 211 х.

Аюуш Ц. Дөрвөд // Монгол улсын угсаатны зүй. II боть. Улаанбаатар: Монсудар, 2012. С. 27–106.

Батнасан Г. Баяд // Монгол улсын угсаатны зүй. II боть. Улаанбаатар: Монсудар, 2012. С. 253–360.

Большой монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. А–Г. М.: Academia, 2001. 520 с.; Т. 2. Д–О. М.: Academia, 2001. 536 с.; Т. 3. Ё–Ф. Academia, 2001. 440 с.; Т. 4. Х–Я. М.: Academia, 2002. 532 с.

БНМАУ-ын угсаатны зүй. XIX–XX зууны зааг үе. I боть. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1987. 432 с.

Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1996. 222 с.

Ганболд М. Ойрад монголчуудын байгаль хамгаалах уламжлал. (Biblioteca Oiratica XVIII). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2012. 190 х.

Дашковский П. К., Карымова С. М. Вещь в традиционной культуре народов Центральной Азии: философско-культурологическое исследование. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. 252 с.

Дисан Т. Өөлд // Монгол улсын угсаатны зүй. II боть. Улаанбаатар: Монсудар, 2012. С. 107–166.

Ефимова Е. М. Семантика картины мира якутов в традиционной одежде: дис. ... канд. культ. наук. Улан-Удэ, 2006. 143 с.

Кузнецов И. В. Одежда армян Понта. Семиотика материальной культуры. М.: Вост. лит-ра, 1994. 294 с.

Лхагвасурэн И. Алтайские урянхайцы. Историко-этнографическое исследование (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 176 с.

Миненко Л. В. Семантика орнаментов предметов вещной культуры коренных народов Западной Сибири // Актуальные проблемы социокультурных исследований. Кемерово: КемГУКИ, 2006. Вып. 2. С. 97–108.

Москвина М. В. Статусный символизм традиционных женских украшений тюркских народов Саяно-Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 83–86.

Орлова Е. А. Символика национального свадебного костюма женщин-телеуток // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (24–26 сентября 2014 г.). Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2014. С. 88–90.

Орлова Е. А. Символика воротника-тыка в традиционной женской одежде телеутов // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2015. Вып. № 2 (18). С. 146–148.

Орлова Е. А. Сакральные функции традиционной женской одежды телеутов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия История. Филология. 2016. Т. 15. № 7. Археология и этнография. С. 169–177.

Сем Т. Ю. Символика и семантика обрядовой одежды тунгусов (к иконографии богов плодородия) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. Вып. 4. С. 245–255

Содномпилова М. М. Традиционная одежда монгольских народов в ритуале и как инструмент социализации // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013. № 2 (3). С. 152–165.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.

Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост. и перевод Б. Х. Тодаевой. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 839 с.

Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков (XIX – нач. XXI в.). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 128 с.

Шигурова Т. А. Семантика картины мира в традиционном костюме мордвы: дис. ... д-ра культурологических наук. Саранск, 2012. 420 с.

References

Alekseeva T. P. Traditional National Costume as a Model of the Universe. *Cultural Heritage of Siberia*. 2011. No. 12. Pp. 5–23. (In Russ.)

Amgalan M. Economic and Cultural Monuments of Western Mongolia. Ulaanbaatar: Monsudar, 2008. 211 p. (In Mong.)

Ayush Ts. Durvud. In: *Ethnography of Mongolia*. Vol. II. Ulaanbaatar: Monsudar, 2012. Pp. 27–106. (In Mong.)

Batnasan G. Bayad. In: *Ethnography of Mongolia*. Vol. II. Ulaanbaatar: Monsudar, 2012. Pp. 253–360. (In Mong.)

Butanaev V. Ya. Traditional Culture and Life of Khakassians. Abakan: Khakas. Book Publ., 1996. 222 p. (In Russ.)

Dashkovskiy P. K., Karymova S. M. The Thing in Traditional Culture of Central Asian Peoples: Philosophical and Cultural Research. Barnaul: Altai University Publ., 2012. 252 p. (In Russ.)

Dissan T. Uuld. In: *Ethnography of Mongolia*. Vol. II. Ulaanbaatar: Monsudar, 2012. Pp. 107–166. (In Mong.)

Efimova E. M. Semantics of the Picture of the Yakut World in Traditional Clothes. Cand. Sc. thesis (culture study) abstract. Ulan-Ude, 2006. 143 p. (In Russ.)

Ethnography of Altai Uriankhai. G. Zolbayar, M. Ganbold. Ulaanbaatar: Kitab, 2014. 256 p. (In Mong.)

Ethnography of the People's Republic of Mongolia. The Turn of the 19th–20th cc. Vol. 1. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1987. 432 p. (In Mong.)

Ganbold M. Oirat Mongolian Environmental Tradition. (Biblioteca Oirat-ica XVIII). Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2012. 190 p. (In Mong.)

Kuznetsov I. V. Clothes of Armenians of Pont. Semiotics of Material Culture. Moscow: Vost. lit., 1994. 294 p. (In Russ.)

Lhagvasuren I. Altai Uryankhais. Historical and Ethnographic Research (late 19th — early 20th cc.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the RAS Publ., 2013. 176 p. (In Russ.)

Minenko L. V. Semantics of Ornaments of Objects of Material Culture of West Siberian Indigenous Peoples. In: *Actual Problems of Sociocultural Research*. Kemerovo: Kemerovo State University of Culture, 2006. Is. 2. Pp. 97–108. (In Russ.)

Moskvina M. V. Status Symbolism of Traditional Female Ornaments of the Turkic Peoples of Sayan-Altai. *Humanitarian Sciences in Siberia*. 2013. No. 3. Pp. 83–86. (In Russ.)

Orlova E. A. Sacral Functions of Traditional Women's Clothing of Teleuts. *Bulletin of Novosibirsk State University*. History series. Philology. 2016. Vol. 15. No. 7. Archaeology and Ethnography. Pp. 169–177. (In Russ.)

Orlova E. A. Symbolism of the Collar-tyaka in the Traditional Women's Clothing of Teleuts. *Bulletin of Tomsk State University*. Kulturology and Art criticism. 2015. Is. No. 2(18). Pp. 146–148. (In Russ.)

Orlova E. A. Symbolism of the National Wedding Costume of Teleut Women. In: *People and Culture of South Siberia and Neighboring Territories*. Conf. proc., dedicated to the 70th anniversary of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Abakan, 24–26 September 2014). Abakan: Khakas. Book Publ., 2014. Pp. 88–90. (In Russ.)

Proverbs, Sayings and Riddles of Kalmyks of Russia and Oirats of China. B. Kh. Todaeva (ed., transl.). Elista: Dzhangar, 2007. 839 p. (In Russ.)

Sem T. Yu. Symbolics and Semantics of Ritual Clothing of Tungus (Concerning Iconography of Fertility Gods). *Bulletin of Saint-Petersburg University*. 2007. Ser. 2. Is. 4. Pp. 245–255. (In Russ.)

Sharaeva T. I. Rites of Kalmyk Life Cycle (19th — early 21st cc.). Elista: Dzhangar, 2011. 128 p. (In Russ.)

Shigurova T. A. Semantics of a Picture of the World in a Traditional Costume of Mordva. Dr. Sc. thesis (culture studies). Saransk, 2012. 420 p. (In Russ.)

Sodnompilova M. M. Traditional Clothes of the Mongolian Peoples in Ritual and as an Instrument of Socialization. *Bulletin of Irkutsk State University*. Ser. Geo-archaeology. Ethnology. Anthropology. 2013. No. 2 (3). Pp. 152–165. (In Russ.)

The Big Mongolian–Russian Dictionary. G. Ts. Pyurbeev (ed.). Vol. 1. A–G. Moscow: Academia, 2001. 520 p.; T. 2. D–O. Moscow: Academia, 2001. 536 p.; T. 3. Ñ–F. Academia, 2001. 440 p.; T. 4. X–Y. Moscow: Academia, 2002. 532 p. (In Mong. and Russ.)

Traditional Worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and Time. World of Matter. L'vova E. L., Oktyabskaya I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S. Novosibirsk: Nauka, 1988. 225 p. (In Russ.)